

(16+) Владимир Каданников. Спустя год, вспоминая генерального...

Владимир Каданников. В нашем городе, да и за его пределами еще здравствуют, работают, просто живут тысячи людей, которые могут рассказать о нем – руководителе, политике, коллеге, друге – гораздо больше, чем я. Но даже несколько эпизодов, свидетелем которых я стал, будучи когда-то вазовцем, когда-то рядовым партийным функционером, при всей фрагментарности и специфичности взгляда показательны. Они дают определенное представление о незаурядной личности четвертого генерального директора ВАЗа.

Перед глазами яркая картинка: направляюсь ранним летним утром 1990 года на автомобиле по каким-то делам по Московскому проспекту в сторону тогда еще недостроенной вазовской высотки. Пересекая улицу Дзержинского (это, следовательно, уже на Заставной), почти сразу за перекрестком вижу большую фигуру Владимира Васильевича, выходящего со стороны водительского места светло-желтой «восьмерки». Он идет с улыбкой к остановившемуся сзади автомобилю.

В голове: генеральный (в те годы для почти четырехсоттысячного района – авторитет мощный) сам за рулем (!) простенькой «восьмерки», без какого-либо сопровождения, посчитал нужным остановиться вот так, запросто, на дороге, встретив хорошего знакомого. Нестандартно.

Много позже этого маленького дорожного случая Каданников в одном из интервью обмолвился (привожу его мысль, как запомнилась), что в своей карьере прошел путь от рабочего до генерального директора, не минуя ни одной должностной ступеньки и не пользуясь своеобразным трамплином в виде работы на общественных постах: партийных, советских, профсоюзных.

Это так, но общественная деятельность его не миновала – не за оплату, не за льготы и звания, а где-то по необходимости (так было положено в то время и иногда просто нужно для завода), где-то (могу предположить) – по складу характера человека, не имевшего «дворянских корней». А потому глубоко понимавшего жизнь и осознающего, вероятно, пользу своей общественной деятельности для блага людей, в том числе за пределами автозавода.

Небольшое, но характерное наблюдение. Каданников еще в должности первого заместителя генерального директора – директора НТЦ ВАЗа являлся членом бюро Автозаводского райкома партии. Не стоит пояснять, что за единственная партия была в то время. Он если вступал в какие-то обсуждения на заседаниях бюро, то чаще всего в тех случаях, когда рассматривались так называемые персональные дела, то есть проступки членов партии.

В такой непростой ситуации его интересовали конкретный человек, мотивы его поведения, мысли и, в конечном итоге, его дальнейшая судьба. Вопросы к провинившемуся были точными, порой жесткими, но всегда направленными на установление истины, осознанию этим человеком своей неправоты. И очень часто справедливость его суждений помогала придти к взвешенным решениям, не сломать дальнейшую жизнь человека.

Внутренний стержень Каданникова проявлялся и в незначительных эпизодах, и в переломных моментах.

1988 год. Одна из последних областных партконференций в Куйбышеве. В силу своей занятости и в отличие от основной массы делегатов Каданников приехал непосредственно к началу мероприятия. В фойе, гудящем разноголосицей делегатов со всех концов самарской земли, мне пришлось подождать, пока он переговорит со своим заместителем, чтобы потом предложить Владимиру Васильевичу получить причитающиеся ему из партийной кассы командировочные средства.

Каданников без секундного колебания спокойно и твердо отказался, сказав что-то вроде: – Я только что приехал, и никакие командировочные мне не нужны.

Конечно, некоторые скажут: зачем ему эта мелочь при его-то доходах. И всё же, проще было бы подчиниться общим правилам игры, быть, как все, и принять эту небольшую сумму на карманные расходы. Но, наверное, Владимир Васильевич не мог пойти даже в этой рутинной ситуации против своих представлений о порядочности и достоинстве.

Делегаты конференции возвращались автобусом, и на одном из последних сидений вместе со всеми ехал (удивительно!) он, Каданников: не стал гнать из Тольятти легковую машину за ним – и это при его-то практически неограниченных полномочиях на автогиганте.

Никто из делегатов не оглядывался, но вряд ли генеральный дремал. Скорее всего, он воспользовался вынужденной двухчасовой возможностью, чтобы обдумать непростые для завода и города управленческие решения на исходе горбачевской перестройки.

Собственно, одним из следствий этой перестройки для коллектива автозавода было беспрецедентное избрание генерального директора на конференции трудового коллектива ВАЗа в декабре 1988 года. Зал на 600 мест отраслевого учебного центра, в президиуме три Васильевича: Каданников, Николаев, Ляченков – соратники, члены одной команды и... в силу тех обстоятельств – конкуренты.

После очередного программного выступления прозвучал ответ на один из вопросов из зала, ошеломляющий своей прямоотой и смелостью перед решающим моментом голосования, когда решалось главное – кто? Из зала спросили:

– Как Каданников относится к избранию генерального директора делегатами трудового коллектива?

Прекрасно ведь понимали, что ответ (который наверняка уже был в его голове!) может поставить крест на его избрании генеральным, но, не изменяя себе, Каданников произнес в звенящей тишине зала, с определенным усилием, но твердо и кратко:

– Муть голубая.

И выбрали его! Да, «муть голубая»... Как тут не вспомнить часто используемые им пословицы и поговорки, например: «Мы бедны, как церковные мыши» (это он на многолюдном мероприятии о тогда текущем финансовом положении ВАЗа) или – в другой конкретной ситуации: «На воре и шапка горит».

Сколько же в жизни Владимира Васильевича было моментов, требующих мужества и стойкости!

Вот драматические минуты перед началом предвыборного собрания в ДКиТ в связи с выборами в последний Верховный Совет СССР. Выданы около тысячи пригласительных билетов, в зале есть свободные места. А у входа – несколько десятков человек, неформалов, как тогда говорили. Они настроены явно не в пользу кандидата, которого считали выдвинутым от власти, желают попасть в зал и высказаться нелицеприятно.

Импровизированное, на ходу, совещание нескольких лиц, причастных к проведению собрания: пускать их или не пускать? Каданников внимательно смотрит на меня, невысокую фигуру в партийной иерархии, но в силу каких-то обстоятельств почему-то единственного оказавшегося среди организаторов собрания функционера. И на мое ожидаемо-консервативное «не пускать» думает непродолжительное время, смотрит куда-то вглубь себя и – негромко – принимает неожиданное и рискованное для него решение: – Пустить всех!

И он выдержал все наскоки и претензии оппонентов на этом собрании. На других – тоже, и был избран депутатом. Это требовалось ему, думается, не для коллекции званий и чинов, а для отстаивания в условиях штормящей экономики интересов коллектива завода и, следовательно, населения города и области.

Таким же мужественным, деловым и внешне спокойным было участие Каданникова дождливым октябрьским вечером 2005 года в научно-практической конференции, посвященной яркой истории ВАЗа. Какое мужество и спокойствие нужно, чтобы сидеть в президиуме, усмехнется кое-кто!

Да вот тут такая «загогулина» – почти по Ельцину: наверное, в тот момент никто из сотен участников конференции, кроме самого, разумеется, Каданникова, не знал, что в этот день

завод перешел в руки других владельцев. Лишь завтра станет известно заводчанам, городу, всей стране, что он уже не председатель совета директоров ОАО «АВТОВАЗ». Владимир Васильевич достойно выполнил свою последнюю обязанность заводчанина, руководителя, лидера. Зажав в кулак отрицательные эмоции от только что случившейся потери главного дела своей жизни, он своим участием в конференции (спокойно, с достоинством, без дрожи в руках) отдал дань уважения тем, с кем плечом к плечу прошел 38 сложнейших, но и, думается, счастливых лет в вазовском строю.

Мне в силу простого незнания невозможно судить, каким Владимир Васильевич был сыном для матери, растившей его одной, без отца; каким он был мужем, отцом, дедом... Был ли он при жесточайшем ритме огромного конвейерного производства авторитарным менеджером, предполагал ли стиль его руководства крепкое словцо и повышенные тона в разговоре с подчиненными?

Чем он руководствовался, когда следовал советам Бориса Березовского? Какую пользу заводчанам принесло «выпестовывание» совместного предприятия «GM-АВТОВАЗ» (не в ущерб ли собственным интересам)? Что дало ему хождение в высшую власть – недолгое вице-премьерство в правительстве РФ? Почему он за все годы после добровольно-вынужденной отставки так и не рассказал правду своего ухода; не рассказал, что на самом деле стояло за этим «дворцовым переворотом»?

Мне неизвестно, с кем Каданников дружил, как отдыхал, что читал, какую музыку слушал, чем увлекался, кроме всепоглощающей работы...

О четвертом генеральном директоре ВАЗа и почетном гражданине города мне лишь доподлинно известно немного – то, чему я был непосредственным свидетелем.

Достаточно ли этого, чтобы хоть как-то понять, что за личность, что за человек был Владимир Каданников – судить прочитавшим.

Вячеслав СТЕПАНЕНКО, ветеран ВАЗа

P.S. Одно, лично для меня, досадное. Вхожу несколько лет назад в громадное, торжественное фойе альма-матер – Горьковского политехнического института (ныне Нижегородский государственный технический университет имени Алексеева), окидывая взглядом бесконечную галерею заслуженных выпускников: ученых, генеральных директоров (конечно же) ГАЗа и других выдающихся организаторов промышленности, общественных деятелей. И с недоумением не нахожу портрета Владимира Каданникова, окончившего мой родной вуз...

А тем временем

Создана инициативная группа, куда вошли известные люди города. На первом заседании они обсуждали многогранную роль Владимира Каданникова в развитии Тольятти. Было решено начать сбор информации для будущей книги о жизни четвертого генерального директора ВАЗа.

Ветераны автозавода и остальные горожане могут внести свой информационный вклад в создание этой книги. Помощь в предстоящей большой работе может выразиться в передаче организаторам проекта личных воспоминаний и материалов о Владимире Васильевиче из семейных архивов: публикации в газетах и журналах, отчеты и приказы, фотографии и иные свидетельства, представляющие стиль, характер и образ выдающегося современника.